

Оглавление

	Любовь не перестаёт. Катерина Гордеева ..	7
	От автора	11
Глава 1	День за днем	15
	Будни	15
	Выходные и праздники	93
	Никитино-Троицкое	117
Глава 2	Хочу, чтобы они были со мной	131
	Мама и ее «Правила жизни»	131
	Папа — самый близкий друг	143
	Мы с Ильёй навсегда друг у друга есть	157
	Переживательно-материнское	160
	С благодарностью к тем, кого уже нет	171
Глава 3	Человек в центре	191
	Быть рядом с близким, когда ему плохо	191
	Они смогли, значит, и мы сможем	196
	Просто взять за руку конкретного человека ..	200
	Про Светлану	213
	Этика отношения к слабому	214
Глава 4	Вещи, которые я поняла со временем	227
	Планета китов	227
	Как я не выгораю	233
	Карелия	255
	Возвращение к чтению	267
	Время, когда я одна	269
	Мыс Анива	276
	Орех и бабочка	281
	31 декабря 2021 года	284

Любовь не перестаёт

— А эту любишь? — заговорщицки спросила телефонная трубка Нютиным голосом и, не дожидаясь ответа, запела:

У церкви стояла карета,
Там пышная свадьба была...

Я огляделась по сторонам и подхватила. Тоже в трубку:

Все гости нарядно одеты,
Невеста всех краше была...

К моменту, когда по сюжету несчастная невеста, рыдая, ползала под алтарем в поисках ненавистного кольца, вокруг меня собирается небольшая, но прилично изумленная толпа. Пожимаю плечами, вроде как извиняясь, и пытаюсь сделать Нютин звук в телефонной трубке тише. Но сделать тише Нюту — задание почти невыполнимое. Сдаюсь. И еще раз пожимаю плечами. На часах — половина второго ночи. С телефонной трубкой, прижатой к уху, я сижу в зале ожидания аэропорта. Сонные пассажиры смотрят на нас с трубкой то ли с сожалением, то ли с осуждением. Неясно. Я не вижу Нюту, но знаю: она только что вошла домой, сняла туфли и, не в силах продвинуться дальше по квартире, сидит на скамеечке в прихожей, сутулясь под висящими на вешалке пальто.

Мы договорились созвониться по делам перед моим ночным вылетом: в аэропорту, как в ванной комнате, ты всегда принадлежишь себе и наконец можно нормально разговаривать. Но в назначенный

час сил говорить уже ни у кого нет: это был паршивый день. Покончив с несчастной невестой, Нюта предлагает:

— Давай «Донскую»?

Я киваю. Начинаю:

Не для меня придет весна,

Не для меня Дон разольется...

— Ты неправильно поешь, — перебивает Нюта. — Не тот порядок слов. — И начинает так громко, что песня выпрыгивает из трубки и бесцеремонно разливается по всему аэропорту: — Не для меня весна придет, — поет Нюта. И на всякий случай останавливается, чтобы отдельно сообщить мне, родившейся на Дону, что именно такой порядок слов — правильный. И мы снова поем все слова. Разумеется, в ее порядке. Сперва я хочу поспорить, но потом — все равно. В конце концов, я же помню, как пыталась остановить ее в одном закрывающемся ресторане, когда она решила станцевать армянскую лезгинку, чтобы рассмешить большого ребенка. Не остановила. Она станцевала. И рассмешила, кстати.

Объявляют посадку. Люди в очереди к самолету стараются держаться от меня подальше. Ну и ладно. У меня есть трубка.

— Хоть отдышались чуть-чуть, — говорит оттуда Нюта. — Полегче тебе?

Мы не успеем поговорить ни этой ночью, ни еще в пару-тройку запланированных ночей. А днем говорить почти невозможно. Днем у нее занят телефон.

Вообще-то эту книжку должна была написать я.

Мы договорились давно и некоторое время созванивались: она говорила, я записывала, потом переслушивала, редактировала и пыталась систематизировать. Потом выяснилось, что она прет вперед со скоростью, стократно превышающей мои способности к получению и обработке информации. Это же Нюта.

Мы познакомились черт-те когда. Тогдашняя Нюта — обычная училка английского, про которую ее мама, основательница и первый главный врач Первого московского хосписа, почему-то решила, что именно она возглавит фонд помощи хосписам «Вера». Я тогда смотрела на эту Нюту, немного оторопевшую от стремительности развора-

чивающихся событий, и думала: «Господи, да почему же — она? Да как же она — справится?!»

Так вот, книжку, которую вы держите в руках, должна была написать я. А написала она — моя подруга Нюта Федермессер. Учредитель фонда помощи хосписам «Вера», руководитель Центра паллиативной помощи Департамента здравоохранения Москвы Нюта Федермессер.

Как самонаводящаяся ракета, она набрала обороты, взлетела достигла какой-то такой огромной скорости, что за ней все перестали поспевать. Но к ней — начали прислушиваться.

Мы договорились, что будем созваниваться по ночам: Нюта станет рассказывать мне о том, как прошел день, в какую очередную дверь она билась головой, где ее слышали, а где — сделали вид, что слышали. Как она влиwała через трубочку в нос одному молодому парню запрещенную форму обезболивающего, а как другому пацану покупала красное постельное белье — чтобы мама не видела кровь. Иногда я не успевала позвонить, и она рассказывала обо всем произошедшем сразу за несколько дней: как старушка из хосписа попросила принести тазик со снегом — потрогать в последний раз; как один большой начальник в правительстве на довольно формальном, хоть и важном, совещании вдруг взял да и рассказал, как у него умирала мама, и Нюта разглядела в нем человека; как другая старушка на ухо утром во время обхода попросила ее сделать так, чтобы в последние дни жизни за ней, беспомощной, ухаживал кто-то другой — не сын, потому что сын должен запомнить ее красивой; как один чиновник ее услышал, а другой хотел обмануть, но она не сдалась. Чаще всего она звонила мне глубокой ночью из хосписа: ей легче всего было отдышаться после тяжелого дня именно в хосписе, в мамином кабинете. Она усаживалась на какое-нибудь — никогда не мамино — место, и мы разговаривали.

Я все ждала: когда появится профессиональный цинизм? Когда она устанет? Когда сделается нормальной чиновницей, одуревшей от мигалок и власти? Но этого не происходило. Нюта посерьезнела, похудела, сделалась много красивей себя прежней, но внутренне — совершенно не изменилась. Просто нам с ней перестало хватать ночных разговоров раз в три дня: в них больше не умещалось произошедшее с ней даже за одни сутки. И я скучаю.

А эту книжку написала она сама. В ней дневники и заметки, итоги и быстрые записки на полях. Нютины записки — хроники очень

важного качественного рывка в человеческом отношении к человеку, который имеет право на достоинство и любовь в течение всей жизни, а в самом конце — особенно. Ведь отношение к умирающим составляет суть взаимоотношений между живыми.

К сожалению, я не успела хронологически подробно записать, как моя подруга Нюта выстроила фундамент системы, оставляющей за человеком право быть человеком до самого конца. Но всякий, кто прочтет эту книгу, поймет, ради чего живет в таком бешеном темпе Нюта, почему она иногда принимает жесткие и не слишком популярные решения, сколько часов в сутки она спит и как именно она тренирует свое сердце, чтобы оно не зачерствело.

Прочтите, пожалуйста. Как минимум для того, чтобы совершенно точно (с примерами) знать: жизнь одинаково важна от начала до конца.

А любовь — никогда не перестаёт. Если соблюсти все эти условия, то смерти — в том смысле, в котором всякий из нас ее боится, — просто нет, не существует.

Катерина Гордеева

От автора

Несколько лет назад ко мне обратились издатели, задумавшие сделать книгу на основе моих многолетних и регулярных публикаций в соцсетях. Интерес будущих читателей к такой книге для меня был небесспорен: ведь все это можно прочесть в интернете... Но редакторы поработали деликатно и тщательно, результат показался мне неплохим, и я согласилась.

Так появилась книга «Переписка со всеми». Неожиданно для меня она вызвала много откликов и вопросов — оказалось, что люди по-прежнему любят бумажное чтение. Интернет и соцсети книг все-таки не заменяют...

С тех пор прошло более двух лет: невероятно тяжелых, беспрецедентных в истории человечества вообще. Многого случилось и в моей жизни, и в работе. И все это время я по-прежнему оставалась с читателями и комментаторами моих публикаций: одни поддерживали меня, другие уничтожали с радостным улюлюканием, а третьи по-настоящему давали силы снова дышать и работать. Словом, прошло еще два непростых года...

И когда недавно мне предложили собрать наиболее значимые и дорогие для меня записи и размышления всех этих лет, чтобы сделать новую книгу, я согласилась почти сразу. Не знаю почему. Хочу, чтобы написанное осталось на бумаге. Для моих детей.

И еще потому, что я хочу посвятить эту книгу маме, Вере Миллионщиковой, которой в этом году исполнилось бы восемьдесят. Двенадцать лет без нее, и все-таки с ней, для нее, ради нее, оглядываясь на нее, ориентируясь на нее, соизмеряя с ней каждый шаг за эти годы.

С каждым днем все больше отдаляясь от нее, я становлюсь к ней все ближе. И, взрослея, все лучше ее чувствую и все больше изумляюсь тому, как много она смогла сделать тридцать лет назад совсем одна...

Мне скоро сорок пять — мне нравится этот возраст, когда уже многое знаешь и еще многое можешь. Но это и возраст подведения первых итогов: чего ты достигла и какой ценой. Да, порой мне кажется, кое-что действительно удалось, и мои родители были бы довольны мною.

Это невероятно для меня важно.

Московская девочка из семьи врачей-диссидентов, которых знала вся богемная Москва, — это с детства определяло круг моего общения и обстоятельства взросления. Моя мама — Вера Миллионщикова, основательница и главный врач первого в Москве хосписа. Я — занудная школьная учительница английского, переводчица-синхронист — стала учредителем тогда первого и единственного в стране благотворительного фонда, помогающего хосписам. В этом году фонду «Вера» уже шестнадцать лет...

Это не предопределенность. Это скорее обстоятельства времени, места и образа действия, как учили нас на уроках русского языка. А может, это те дороги, которые мы выбираем. Я все же думаю, что дорога сама выбирает нас.

И та темная (или светлая?) территория человеческого страдания и горя, где мы работаем уже много лет, — умалется ли она от наших усилий? Есть ли смысл в нашем стремлении отвоевывать у этого страдания достойную жизнь — пядь за пядью, когда больше нет сил и опускаются руки?

Или все-таки каждый горящий фонарь и даже каждая тихая лампа, каждая мерцающая свеча, каждый крохотный спичечный чирк — победа над тьмой и все это не напрасно?

Я не знаю. Не знаю... Я думаю, я хочу это понять, я работаю, я пишу, я живу...

Один пациент, знакомый с моей мамой, после ее смерти сказал, что разница между ею и мной в том, что мама работала для

больных из любви, а я — из чувства долга. И добавил, что у меня не получится. Потому что на долге, он объяснял, далеко не уедешь, так как нет повода для развития.

И все-таки, простите, но я думаю, у меня многое получается. Он был не прав.

Потому что я тоже из любви, мама. Из любви к тебе.

Нюта Федермессер, январь 2022 года

Глава 1 День за днем

Будни

В хосписе* у меня нет своего рабочего места. То есть я давно уже сижу в мамином** кабинете, там бумаги и компьютер, но это не мое рабочее место, а мамино. Я никогда не сижу в ее кресле. На ее столе — по-прежнему ее ежедневник, чашка, визитки, журналы, на ее полках — подаренные ей книги, фотографии папы и внуков, на стенах — ее грамоты, в шкафу — ее халат с бейджиком.

И вот я сегодня разбирала свои бумаги в ее кабинете до глубокой ночи. Ужасно не хочу захламить мамин кабинет. Разбирала и вдруг подумала: вот если она сейчас зайдет в кабинет, оглядится, сядет в свое кресло, протянет руку за зажигалкой, затянется, выдохнет дым, и ей будет очень приятно, что ее несколько лет так честно и преданно ждут. Что ее ручка, визитки, ее тонометр, ее календарь, вазочка для фруктов, мишка ручной работы с пуговичными глазами, пепельницы разные и всюду, шкаф с подарками для сотрудников — все стоят на своих местах.

* Первый московский хоспис (ныне Первый московский хоспис им. В. В. Миллионщиковой) — первое медико-социальное учреждение для помощи неизлечимо больным людям в Москве. Выездная служба помощи пациентам на дому работает с 1994 г., стационар — с 1997 г. Хоспис открыт по инициативе британского журналиста Виктора Зорзы. Стационар расположен рядом со станцией метро «Спортивная», на улице Доватора, д. 10. *(Здесь и далее — примечания редактора.)*

** Вера Миллионщикова (1942–2010) — врач, основатель Первого московского хосписа, возглавляла его на протяжении 16 лет. Мама Нюты Федермессер.